

18+

DANIS NAUM

ARBA'IN

Danis Naum

Arba'in

«Издательские решения»

Naum D.

Arba'in / D. Naum — «Издательские решения»,

«Arba'in» — исследование величайшего паломничества современности. Книга раскрывает исторические корни события, его глубокий религиозный смысл в исламской традиции, экономическое влияние на регион и перспективы развития в XXI веке, а также показывает, как этот путь объединяет миллионы людей, становясь символом веры, стойкости и солидарности. Издание будет интересно всем, кто изучает историю, религию, экономику и современные социальные процессы.

© Naum D.

© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Что такое Арбаин и почему он стал одним из крупнейших мирных собраний человечества	6
Масштаб явления (15—22+ млн человек ежегодно в 2010—2020-е годы)	8
Цель книги: Арбаин как многомерный феномен	11
Часть I. Истоки (VII век)	13
Битва при Кербеле (10 мухаррама 61 г. хиджры / 10 октября 680 г.)	13
Политический контекст: конфликт между Хусейном ибн Али и Язидом I	13
Ход событий, гибель Хусейна и его спутников	14
Значение Кербелы для формирования шиитской идентичности	16
Первый Арбаин	18
Прибытие Джабира ибн Абдуллаха аль-Ансари на могилу Хусейна на 40-й день	18
Возвращение уцелевших членов семьи (Имам Зейн аль-Абидин, Зейнаб) в Кербелу	19
Закладка традиции зиярата (посещения)	20
Формирование ритуала в первые века	22
Арбаин при Омейядах и Аббасидах	22
Роль имамов Ахль аль-Бейт в закреплении практики	23
Ранние свидетельства о паломничестве	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Arba'in

Danis Naum

© Danis Naum, 2026

ISBN 978-5-0070-9670-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть любовь, которая не просит ответа. Есть боль, которая не требует забвения.

Они идут рядом — как два дыхания одного сердца, как свет и тень на одной и той же дороге.

Арбаин — это не дата. Это место внутри, где всё ещё слышен шаг тех, кто ушёл, и тех, кто продолжает идти.

Danis Naum

ВВЕДЕНИЕ

Что такое Арбаин и почему он стал одним из крупнейших мирных собраний человечества

Арбаин — это сороковой день после мученической гибели имама Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммада и третьего шиитского имама. Слово «арбаин» в переводе с арабского означает «сорок». В шиитской традиции этот день завершает сорокадневный период траура по событиям Ашуры — дня, когда в 61 году хиджры (10 октября 680 года) на равнине Кербелы Хусейн и его сподвижники были убиты армией омейядского халифа Язида.

Трагедия Кербелы стала центральным событием шиитской исторической памяти. Хусейн отказался присягнуть Язиду, которого считал узурпатором и воплощением несправедливости. С небольшим отрядом — около семидесяти двух человек, включая членов семьи и верных сторонников, — он выступил против многотысячной армии. После отказа сдаться началась битва. Хусейн был убит, его голову отправили в Дамаск, а тело оставили на поле. Через сорок дней, по преданию, сподвижник пророка Джабир ибн Абдуллах ансари первым совершил зиярат (посещение) могилы Хусейна. С этого момента сороковой день после Ашуры стал особым днём поминовения.

Со временем Арбаин превратился из локального обряда в масштабное паломничество. Главным его проявлением стал пеший марш к святыням Кербелы — мавзолею имама Хусейна и мавзолею его брата Аббаса. Наиболее известный маршрут — от Наджафа, где покоится имам Али, до Кербелы. Расстояние составляет примерно восемьдесят километров. Тысячи людей преодолевают его за несколько дней, часто в условиях сильной жары. По дороге выстраиваются моукебы — добровольные пункты обслуживания, где местные жители и паломники из разных стран бесплатно предлагают еду, воду, медицинскую помощь, место для отдыха и даже простые услуги вроде массажа ног или зарядки телефонов. Платить за это считается почти неприличным: гостеприимство здесь воспринимается как форма служения и выражение любви к Хусейну.

Именно эта массовость и характер шествия сделали Арбаин уникальным явлением. После падения режима Саддама Хусейна в 2003 году, когда ограничения на шиитские обряды были сняты, число участников начало стремительно расти. Если в 2003 году говорили о примерно двух миллионах человек, то уже в середине 2010-х цифры достигали двадцати миллионов. В последние годы официальные данные, основанные на системах подсчёта у входов в Кербелу, регулярно превышают двадцать один миллион. Это больше, чем население многих стран, и значительно превышает численность участников хаджа в Мекку. В отличие от Кумбхамелы, которая проводится раз в несколько лет, Арбаин происходит ежегодно.

Почему это собрание называют одним из крупнейших мирных? Во-первых, по масштабу. Миллионы людей одновременно движутся по одним и тем же дорогам, заполняют город с обычным населением менее миллиона человек и при этом сохраняют относительный порядок. Во-вторых, по характеру. Несмотря на огромную плотность толпы, конфликты редки. Люди разных национальностей, возрастов и даже вероисповеданий идут рядом. Среди участников — не только шииты, но и сунниты, христиане и представители других традиций. Объединяющим началом становится не столько узкая конфессиональная принадлежность, сколько идея сопротивления несправедливости, которую олицетворяет Хусейн.

В-третьих, Арбаин демонстрирует необычайную способность к самоорганизации. Тысячи моукебов (это специальный временный пункт, палатка или станция для бесплатного

приема, питания и размещения паломников, которые идут пешком к святыням) возникают почти спонтанно. Семьи и общины готовятся к этому заранее, копят средства и силы в течение года, чтобы принять паломников. Город и дороги на несколько дней превращаются в огромную сеть взаимной помощи. Еда, вода, кров — всё предоставляется бесплатно. Это создаёт атмосферу, которую многие участники описывают как «дорогу даяния» или «дорогу любви».

Исторически Арбаин долгое время оставался относительно скромным обрядом. В периоды преследований шиитов он проходил скрытно или под жёсткими ограничениями. При Саддаме Хусейне массовые шествия были практически запрещены. Возрождение после 2003 года совпало с глубокой потребностью людей в коллективном выражении идентичности, памяти и надежды. Кербела стала местом, где личное горе и политическая история соединяются с универсальным призывом к справедливости.

Сегодня Арбаин выходит далеко за рамки чисто религиозного ритуала. Он стал пространством, где встречаются разные культуры, языки и социальные слои. Паломники прибывают из Ирана, Пакистана, Индии, стран Персидского залива, Европы, Африки, Америки и Австралии. Кто-то идёт несколько дней, кто-то преодолевает тысячи километров. Кто-то приезжает впервые, кто-то повторяет путь каждый год. Для многих это не просто посещение могилы, а акт обновления внутренней приверженности идеалам, которые Хусейн, по их убеждению, защищал ценой жизни: отказ подчиняться тирании, защита достоинства и готовность пожертвовать собой ради принципа.

Именно сочетание древней исторической памяти, массового добровольного участия, культуры гостеприимства и ощущения общего дела превратило Арбаин в одно из самых значительных мирных собраний современности. В мире, где крупные скопления людей часто ассоциируются с протестами, конфликтами или коммерческими мероприятиями, это шествие остаётся редким примером того, как миллионы могут двигаться вместе — без оружия, без принуждения и почти без насилия — ради идеи, которая для них важнее комфорта и личной безопасности.

Арбаин показывает, что даже в XXI веке коллективная память о событии, произошедшем почти четырнадцать веков назад, способна собирать людей в масштабах, сравнимых с населением целых государств. И делает это не через страх или идеологическое давление, а через сочетание скорби, солидарности и готовности делиться тем, что имеешь.

Масштаб явления (15—22+ млн человек ежегодно в 2010—2020-е годы)

Если в начале XXI века Арбаин ещё можно было воспринимать как крупное, но всё же региональное шиитское событие, то к середине 2010-х годов он окончательно перешёл в иную категорию — в разряд явлений планетарного масштаба. Цифры, которые ежегодно публикуют администрации святынь Кербелы, прежде всего мавзолея Аббаса, уже давно вышли за пределы привычных представлений о религиозных собраниях.

После падения режима Саддама Хусейна в 2003 году паломничество возобновилось почти с нуля. В первый год после снятия запретов в Кербелу прибыло около двух миллионов человек. Дальше рост шёл стремительно. К 2008 году число участников оценивалось уже примерно в девять миллионов. В 2013—2014 годах оно уверенно преодолело отметку в пятнадцать—двадцать миллионов. А в 2015 году, по данным иракских государственных СМИ и администраций святынь, цифра достигла двадцати двух миллионов. С тех пор Арбаин стабильно держится в диапазоне от пятнадцати до более чем двадцати двух миллионов человек ежегодно.

Особенно показателен период 2016—2025 годов, когда система электронного подсчёта с элементами искусственного интеллекта, установленная на основных въездах в Кербелу, позволила получать более точные данные. Согласно этим данным:

2016 год — около 11,2 миллиона;
2017 — примерно 13,9 миллиона;
2018 — около 15,3 миллиона;
2019 — 15,2 миллиона;
2020 — 14,5 миллиона (несмотря на пандемию);
2021 — 16,3 миллиона;
2022 — 21,2 миллиона;
2023 — 22,0 миллиона;
2024 — 21,5—21,8 миллиона;
2025 — 21,1 миллиона (по данным мавзолея Аббаса) и даже свыше 22 миллионов по некоторым другим подсчётам;
2026 — 22 миллиона.

Даже в годы, когда внешние обстоятельства — эпидемия, политическая напряжённость или экстремальная жара — создавали серьёзные препятствия, численность участников оставалась исключительно высокой. Это свидетельствует не о случайном всплеске интереса, а о устойчивой социальной и духовной потребности.

Паломники. Арбаин 2014. Фото: Mostafameraji

Для сравнения: ежегодный хадж в Мекку обычно собирает от полутора до трёх миллионов человек. Крупнейшие спортивные события — Олимпийские игры или чемпионаты мира по футболу — привлекают значительно меньше людей в одном месте одновременно. Даже знаменитая индуистская Кумбха-мела, которая порой собирает больше участников, проводится не ежегодно, а раз в несколько лет. Таким образом, Арбаин остаётся крупнейшим ежегодным мирным собранием человечества.

Особого внимания заслуживает структура этой многомиллионной толпы. Большинство участников — граждане Ирака. Однако доля иностранных паломников постоянно растёт. Особенно заметно присутствие иранцев: если в 2010 году их было несколько десятков тысяч, то в 2016—2017 годах — уже более двух миллионов, а в 2023 году число иранских паломников превысило четыре миллиона. Значительные группы прибывают также из Пакистана, Афганистана, стран Персидского залива, Индии, Ливана, а также из Европы, Северной Америки, Африки и Австралии. В отдельные годы фиксировалось участие представителей более чем ста двадцати—ста сорока стран.

Такой масштаб создаёт уникальные логистические и социальные эффекты. Город Кербела, чьё постоянное население составляет менее семисот тысяч человек, на несколько дней принимает в двадцать—тридцать раз больше людей. Дороги между Наджафом и Кербелой превращаются в сплошной поток. Тысячи моукеров вдоль маршрута обеспечивают бесплатное питание, воду, медицинскую помощь и ночлег. По некоторым оценкам, только иранские моукеры в отдельные годы раздавали более ста миллионов порций еды. Всё это происходит без централизованного государственного финансирования в привычном понимании — основная нагрузка ложится на добровольцев, семьи и общины, которые готовятся к этому событию весь год.

Масштаб Арбаина невозможно объяснить только религиозной традицией или демографией шиитского мира (около двухсот миллионов человек). Даже если бы в нём участвовало десять—пятнадцать процентов взрослого шиитского населения, цифры всё равно оставались бы поразительными. Здесь работает более сложный механизм: сочетание исторической

памяти, коллективной идентичности, культуры гостеприимства и ощущения, что участие в этом шествии имеет значение, выходящее за рамки личного благочестия.

Важно отметить и методологию подсчёта. Администрации святынь используют электронные системы на основных въездах в город. Эти системы считают входящих в течение примерно двадцати дней месяца сафар вплоть до дня Арбаина. Разумеется, абсолютная точность в условиях такой плотности потока невозможна, и разные источники иногда дают расхождения в пределах одного-двух миллионов. Тем не менее порядок величин — от пятнадцати до более чем двадцати двух миллионов — подтверждается из года в год и уже не вызывает серьёзных сомнений у исследователей.

Таким образом, в 2010—2020-е годы Арбаин окончательно утвердился как явление глобального масштаба. Это уже не просто религиозный обряд и даже не просто массовое паломничество. Это ежегодное перемещение населения, сопоставимое по численности с населением средних европейских государств, происходящее в сжатые сроки, в сложных климатических условиях и при минимальном уровне насилия. Именно этот устойчивый, воспроизводящийся из года в год масштаб делает Арбаин одним из самых выдающихся социальных феноменов современности — феноменом, который до сих пор остаётся недостаточно осмысленным за пределами мусульманского мира.

Цель книги: Арбаин как многомерный феномен

Эта книга ставит перед собой задачу выйти за пределы привычного восприятия Арбаина исключительно как религиозного ритуала. Разумеется, духовное измерение остаётся его сердцевиной. Без памяти о Хусейне, без траура по Кербеле, без зиярата и без чувства духовной связи с событием 680 года Арбаин просто не существовал бы. Однако сводить это явление только к обряду означало бы обеднить его содержание и упустить то, что делает его уникальным в современном мире.

Цель настоящей работы — показать Арбаин как сложный, многослойный феномен, в котором религиозное переплетается с историческим, социальным, политическим и культурным. Мы рассматриваем его не как изолированный акт благочестия, а как живой организм, в котором одновременно действуют несколько мощных сил.

Историческое измерение. Арбаин — это не просто ежегодное повторение обряда. Это продолжающаяся работа исторической памяти. Событие XIV веков назад до сих пор активно переживается миллионами людей как актуальный вызов. Через паломничество происходит постоянное обновление связи с прошлым: трагедия Кербелы не «закрывается», а вновь и вновь становится точкой отсчёта для понимания справедливости, власти, жертвы и сопротивления. В этом смысле Арбаин представляет собой редкий пример того, как досовременное событие продолжает структурировать сознание огромных масс людей в эпоху цифровых технологий и глобализации.

Социальное измерение. Масштаб Арбаина превращает его в один из самых значительных социальных процессов современности. Миллионы людей одновременно перемещаются, взаимодействуют, обслуживают друг друга и создают временные, но чрезвычайно эффективные формы самоорганизации. Моукебы, добровольная помощь, культура гостеприимства, преодоление социальных, национальных и даже конфессиональных барьеров — всё это делает Арбаин уникальной лабораторией социальной солидарности. Здесь на несколько дней возникает особый тип сообщества, основанный не на принуждении или экономической выгоде, а на добровольном служении и ощущении общей принадлежности.

Политическое измерение. Арбаин неизбежно несёт в себе политический заряд, хотя и не сводится к политике в узком смысле. Само появление Хусейна в Кербеле было актом отказа подчиняться власти, которую он считал нелегитимной. Современное паломничество сохраняет этот заряд: оно регулярно становится пространством, где выражается отношение к несправедливости, угнетению и насилию. При этом Арбаин нельзя упрощённо трактовать как инструмент какой-либо конкретной политической силы. Его политическое значение шире: это массовое утверждение определённого понимания власти, достоинства и сопротивления, которое выходит за рамки отдельных государств и партий.

Культурное измерение. Арбаин порождает собственную культуру — от поэзии и маршей до визуальных образов, песен, флагов, одежды и практик гостеприимства. Он создаёт общее символическое пространство, в котором люди из разных стран и социальных слоёв находят общий язык. Более того, в последние десятилетия Арбаин всё чаще выступает как площадка межкультурного и даже межрелигиозного диалога: в шествии участвуют не только шииты, но и сунниты, христиане и представители других традиций. Таким образом, он становится фактором формирования особой транснациональной культуры, связанной с памятью о Хусейне.

Задача этой книги — рассмотреть Арбаин во всей полноте этих измерений, не противопоставляя их друг другу, а показывая, как они взаимно усиливают и питают друг друга. Религиозное чувство придаёт исторической памяти эмоциональную силу. Историческая память, в свою очередь, делает возможным мощное социальное сплочение. Социальная солидарность

создаёт условия для политического высказывания. А всё вместе порождает устойчивую культурную традицию, способную воспроизводиться из поколения в поколение.

Мы сознательно избегаем как апологетического восхищения, так и скептического сведения Арбаина к «политическому инструменту» или «религиозному фанатизму». Наша цель — понять его как сложное человеческое явление, в котором соединяются вера, память, солидарность, сопротивление и культура. Только такой подход позволяет увидеть, почему это паломничество продолжает собирать десятки миллионов людей и почему оно заслуживает серьёзного внимания далеко за пределами шиитского сообщества.

В последующих главах мы будем последовательно раскрывать каждое из этих измерений, опираясь на исторические источники, свидетельства участников, статистические данные и анализ социальных практик. Арбаин в этой книге предстаёт не как экзотический ритуал Востока, а как значимый феномен мировой истории и современности.

Часть I. Истоки (VII век)

Битва при Кербеле (10 мухаррама 61 г. хиджры / 10 октября 680 г.)

Политический контекст: конфликт между Хусейном ибн Али и Язидом I

Битва при Кербеле не была случайным столкновением и не возникла внезапно. Она стала кульминацией глубокого политического кризиса, который нарастал в мусульманской общине на протяжении нескольких десятилетий после смерти пророка Мухаммада. В центре этого кризиса стоял вопрос о характере власти и принципах её передачи.

После убийства халифа Али ибн Аби Талиба в 661 году его старший сын Хасан временно принял присягу в Куфе, но вскоре был вынужден заключить соглашение с Муавией ибн Абу Суфьяном. Согласно условиям этого соглашения, Муавия становился халифом, а после его смерти вопрос о преемственности должен был решаться через совет (шуру) или иным способом, исключающим автоматическое наследование. Хасан удалился в Медину и умер в результате отравления, в 669 или 670 году. С его смертью обязательство Муавии, по мнению многих, утратило силу.

Муавия, правивший с 661 по 680 год, сумел стабилизировать халифат после первой гражданской войны (фитны). Однако в последние годы своей жизни он предпринял шаг, который изменил саму природу власти. Он начал активно готовить передачу халифата своему сыну Язиду. Это был первый в истории ислама случай открытого стремления сделать власть наследственной. Муавия собирал присягу Язиду в различных провинциях, используя сочетание убеждения, давления и материальных стимулов. Большинство наместников и влиятельных лиц в итоге согласились. Однако несколько видных представителей курайшитской элиты и сподвижников пророка отказались. Среди них были Хусейн ибн Али, Абдуллах ибн аз-Зубайр и Абдуллах ибн Умар.

Когда Муавия умер в апреле 680 года (раджаб 60 г. хиджры), Язид немедленно потребовал присяги от тех, кто до сих пор уклонялся. Особенно важным для него был отказ Хусейна. Хусейн был не просто сыном Али и внуком пророка. Он олицетворял альтернативный принцип легитимности — право семьи пророка (Ахль аль-Бейт) на руководство общиной. Для многих в Ираке, особенно в Куфе, которая сохраняла сильные проалидские настроения, Хусейн оставался естественным претендентом на власть.

Язид направил наместнику Медины Валиду ибн Утбе жёсткое указание: получить присягу от Хусейна, Ибн аз-Зубайра и других или казнить их. Хусейн уклонился от немедленной присяги, заявив, что подобный акт должен совершаться публично, а не тайно. Вскоре он покинул Медину и направился в Мекку, где пользовался относительной безопасностью благодаря статусу священного города.

Именно в Мекке конфликт приобрёл новую динамику. Жители Куфы, узнав о смерти Муавии и отказе Хусейна присягнуть Язиду, начали присылать многочисленные письма. В них они заявляли о своей готовности поддержать Хусейна, сбросить власть Омейядов и признать его имамом. По некоторым сообщениям, число писем достигало нескольких тысяч. Хусейн отправил в Куфу своего двоюродного брата Муслима ибн Акиля, чтобы проверить реальность

этих обещаний. Муслим первоначально встретил широкий отклик: тысячи куфийцев принесли ему присягу от имени Хусейна.

Однако Язид быстро отреагировал. Он сместил относительно мягкого наместника Куфы Нуамана ибн Башира и назначил на его место Убайдуллаха ибн Зияда — жёсткого и решительного администратора, уже проявившего себя в Басре. Ибн Зияд прибыл в Куфу, запугал местную знать, арестовал и казнил Муслима ибн Акиля. Поддержка Хусейна в городе рухнула почти мгновенно. Многие из тех, кто ранее присягал, либо испугались, либо были нейтрализованы.

К этому моменту Хусейн уже выступил из Мекки в направлении Ирака. Узнав о гибели Муслима, он тем не менее продолжил путь. Его сопровождал небольшой отряд — родственники, верные сторонники и несколько добровольцев. По разным оценкам, вместе с ним было около семидесяти—ста человек, включая женщин и детей.

Политическая суть конфликта к этому времени стала предельно ясной. С одной стороны стоял Язид, представлявший новую, династическую модель власти, опиравшуюся на сирийскую военную силу и административный аппарат, созданный его отцом. С другой — Хусейн, который отказывался признать эту модель легитимной. Для него присяга Язиду означала не просто подчинение конкретному правителю, а признание самого принципа наследственной монархии, который, по его убеждению, противоречил духу раннего ислама и правам семьи пророка.

Язид не мог позволить Хусейну свободно передвигаться и собирать сторонников. Сам факт существования внука пророка, открыто отрицающего его власть, подрывал легитимность нового халифа. Поэтому Ибн Зияду было приказано любой ценой предотвратить прибытие Хусейна в Куфу. Армия под командованием Умара ибн Саада была направлена на перехват.

Так политический спор о характере власти — наследственная монархия против принципа, связанного с семьёй пророка и консультативным началом, — перерос в военное противостояние. Хусейн оказался в ситуации, когда отступление означало бы либо унижительную присягу, либо фактическое признание поражения. Он выбрал путь, который привёл его к Кербеле.

Именно этот политический конфликт — отказ признать наследственную власть Язида и попытка опереться на поддержку Куфы — стал непосредственной причиной событий 10 мухаррама 61 года хиджры. Битва при Кербеле была не просто военным эпизодом. Она стала кровавым разрешением фундаментального вопроса о том, какой должна быть власть в мусульманской общине.

Ход событий, гибель Хусейна и его спутников

Караван Хусейна ибн Али достиг равнины Кербелы 2 мухаррама 61 года хиджры (2 октября 680 года). Место оказалось пустынным, открытым и удалённым от крупных поселений. По преданию, когда Хусейну сообщили название этой местности, он произнёс слова, которые впоследствии стали частью коллективной памяти: здесь соединились «карб» (скорбь) и «бала» (испытание). Лагерь был разбит недалеко от Евфрата, но уже вскоре доступ к воде окажется перекрыт.

На следующий день, 3 мухаррама, к месту прибыл основной отряд омейядских войск под командованием Умара ибн Саада. По наиболее распространённым оценкам, его силы насчитывали около четырёх тысяч человек, хотя некоторые источники говорят о большем числе. Умар ибн Саад первоначально не стремился к немедленному кровопролитию. Он вёл переговоры с Хусейном, предлагая различные варианты: возвращение в Медину, выезд к одной из пограничных крепостей или даже личную встречу с Язидом. Хусейн отказывался присягать, но готов был обсуждать условия, которые сохранили бы его достоинство и безопасность семьи. Эти переговоры, однако, были сорваны жёсткой позицией Убайдуллаха ибн Зияда в Куфе.

7 мухаррама положение резко ухудшилось. По прямому приказу Ибн Зияда Умар ибн Саад перекрыл доступ к Евфрату. Отряд примерно в пятьсот всадников под командованием Амра ибн аль-Хаджаджа занял берег реки. С этого момента лагерь Хусейна оказался лишён воды. Жара была сильной, запасы быстро иссякли. Особенно тяжело приходилось детям и женщинам. Попытки небольшой группы во главе с Аббасом ибн Али прорваться к реке и набрать воду увенчались лишь частичным успехом: удалось принести немного влаги, но этого было недостаточно.

9 мухаррама, в день Тасуа, напряжение достигло предела. В лагерь прибыл Шимр ибн Зиль-Джавшан с новым ультиматумом от Ибн Зияда: либо безоговорочная сдача и признание власти Язида, либо бой. Умар ибн Саад, оказавшись под давлением, объявил о начале военных действий. Хусейн попросил отсрочки до утра — одну ночь для молитвы и подготовки. Просьбу удовлетворили. В ту ночь Хусейн собрал своих спутников и предложил им уйти под покровом темноты. Он заявил, что враг преследует прежде всего его, а не их. Почти никто не воспользовался этим предложением. Спутники подтвердили готовность остаться до конца.

Утро 10 мухаррама (день Ашуры) началось с построения. У Хусейна было около семидесяти двух боеспособных мужчин: примерно тридцать два всадника и сорок пеших. Правый фланг он поручил Зухайру ибн Кайну, левый — Хабибу ибн Музахиру, знамя — своему брату Аббасу. Вокруг шатров сложили хворост и камыш, чтобы при необходимости поджечь и защитить тыл от конных атак.

Перед началом боя произошло одно из самых символических событий дня. Хурр ибн Язид ар-Рияхи, командир авангарда, который ранее перехватил караван Хусейна, перешёл на его сторону. Поражённый происходящим и мучимый совестью, он подъехал к лагерю, попросил прощения и присоединился к обречённым. Хусейн принял его. Хурр стал одним из первых, кто пал в этот день.

Бой начался с перестрелки стрелами и отдельных поединков. Спутники Хусейна выходили один за другим, сражались и гибли. Среди первых пали Муслим ибн Аусаджа, Хабиб ибн Музахир, Зухайр ибн Кайн. Постепенно поле усеяли тела тех, кто ещё утром стоял в строю. Когда почти все спутники были убиты, в бой вступили родственники Хусейна. Погибли сыновья Акиля, сыновья Джафара, сыновья Хасана. Особенно тяжело переживали гибель юного Касима ибн Хасана и Али аль-Акбара, сына самого Хусейна, который пошёл в бой одним из первых среди хашимитов.

Аббас ибн Али, знаменосец и один из самых сильных воинов отряда, предпринял отчаянную попытку прорваться к Евфрату, чтобы принести воду детям. Он сумел наполнить бурдюк, но на обратном пути был атакован. Ему отрубили правую руку, затем левую. Бурдюк был пробит. Тяжелораненый Аббас упал недалеко от лагеря и умер, так и не доставив воду.

К середине дня Хусейн остался почти один. Он ещё несколько раз выходил к шатрам, прощался с женщинами и детьми, утешал сестру Зайнаб. В какой-то момент он вынес на руках своего шестимесячного сына Али аль-Асгара и обратился к противнику с просьбой дать ребёнку воды. В ответ была выпущена стрела, которая поразила младенца в горло. Хусейн зарыл сына прямо на поле боя.

Оставшись последним, Хусейн продолжал сражаться. Он был уже тяжело ранен: стрелы и удары мечей покрыли его тело. Воины Умара ибн Саада колебались, не решаясь нанести последний удар внуку пророка. Тогда Шимр ибн Зиль-Джавшан стал подгонять их. По наиболее распространённым сообщениям, смертельный удар нанёс Синан ибн Анас ан-Нахаи, а голову отсёк либо он, либо Шимр, либо Хаули ибн Язид. Голову Хусейна водрузили на копье.

После гибели Хусейна тела павших были обезглавлены. По приказу Умара ибн Саада всадники проскакали по телам, чтобы окончательно их изуродовать. Женщин и оставшихся в живых детей, среди которых был больной сын Хусейна Али Зайн аль-Абидин, взяли в плен. На

следующий день караван пленных и отрубленных голов двинулся в Куфу, а затем — в Дамаск, ко двору Язида.

Так завершился день 10 мухаррама 61 года хиджры. Небольшой отряд, насчитывавший около семидесяти двух бойцов, был полностью уничтожен армией, превосходившей его в десятки раз. Гибель Хусейна и его спутников стала не просто военным поражением. Она превратилась в событие, которое навсегда изменило историческую память мусульманской общины и легло в основу одной из самых мощных традиций поминовения в мировой истории.

Значение Кербелы для формирования шиитской идентичности

Гибель Хусейна ибн Али в Кербеле 10 мухаррама 61 года хиджры стала одним из тех редких исторических событий, которые не просто остаются в памяти, а превращаются в фундамент коллективной идентичности. Если до 680 года сторонники Али и его потомков представляли собой скорее политическую партию внутри мусульманской общины, то после Кербелы они начали обретать черты отдельной религиозной общности со своей историей, своими символами, своей болью и своим пониманием справедливости.

Кербела создала то, чего раньше не хватало проалидскому движению, — центральную травму. Убийство внука пророка, сопровождавшееся жаждой, пленением женщин и детей, надругательством над телами, воспринималось не просто как политическое поражение. Оно переживалось как космическая несправедливость, как предательство самой сути пророческой миссии. Эта травма стала точкой кристаллизации. Вокруг неё начала формироваться особая память, особый эмоциональный строй и особый язык.

Одним из первых проявлений этой новой идентичности стало движение «таввабунов» — «кающихся». Уже в 684—685 годах группа куфийцев, мучимых чувством вины за то, что не поддержали Хусейна, подняла восстание, чтобы искупить свою пассивность. Большинство из них погибло. Этот акт покаяния через кровь показал, что гибель Хусейна уже воспринималась не как частный эпизод, а как событие, требующее ответа от всей общины, связанной с Ахль аль-Бейт.

С течением времени рассказ о Кербеле претерпел глубокую трансформацию. То, что первоначально выглядело как относительно небольшое военное столкновение, в шиитской традиции превратилось в парадигматический миф — рассказ о противостоянии сил добра и зла, света и тьмы, справедливости и тирании. Хусейн из исторического персонажа стал архетипом совершенного мученика, «господина шахидов». Его отказ подчиниться Язиду начал пониматься как вечный образец: лучше умереть, сохранив достоинство, чем жить в унижении.

Эта парадигма Кербелы стала работать на нескольких уровнях одновременно. Во-первых, она создавала чувство принадлежности. Тот, кто плачет по Хусейну, кто вспоминает жажду его детей, кто проклинает убийц, автоматически оказывается внутри общины. Слезы превратились в знак идентичности. Уже ранние имамы подчёркивали ценность оплакивания Хусейна. Позже это оформилось в целую систему ритуалов: маджалисы (траурные собрания), чтение марсий, шествия, самобичевание, театрализованные представления (та'зия).

Во-вторых, Кербела дала шиитам особую историческую оптику. Вся последующая история стала прочитываться через призму этого события. Власть, которая преследует потомков пророка или их сторонников, автоматически ассоциируется с Язидом. Страдание общины воспринимается как продолжение страдания Хусейна. Отсюда знаменитая формула: «Каждый день — Ашура, вся земля — Кербела». Она означает, что борьба между справедливостью и угнетением не закончилась в 680 году и продолжается постоянно.

В-третьих, событие Кербелы укрепило учение об имамате. Гибель Хусейна сделала ещё более очевидной идею, что истинные руководители общины — это потомки пророка через Али и Фатиму, обладающие особым знанием и правом. Страдания имамов, их преследова-

ния, а впоследствии и идея сокрытия Двенадцатого имама стали логическим продолжением кербелинской трагедии. Община, лишённая видимого справедливого правителя, должна была сохранять верность скрытому имаму и жить в состоянии ожидания, одновременно помня о цене, которую заплатил Хусейн.

Кербела также создала мощный пространственный символ. Само место гибели превратилось в священную территорию. Уже в ранние века начинается практика зиярата — паломничества к могиле Хусейна. Посещение Кербелы становится одним из важнейших актов шиитского благочестия. В некоторых преданиях оно ставится в один ряд с ключевыми признаками истинного верующего. Так физическое пространство оказалось неразрывно связано с идентичностью.

Наконец, парадигма Кербелы обладала огромным мобилизационным потенциалом. В разные эпохи она могла использоваться по-разному: как призыв к терпению и внутреннему совершенствованию или, напротив, как призыв к активному сопротивлению несправедливой власти. В XX веке, особенно в Иране, она была переосмыслена в революционном ключе. Образ Хусейна, восставшего против тирана, стал одним из центральных символов политической мобилизации.

Таким образом, значение Кербелы для формирования шиитской идентичности трудно переоценить. Это событие:

- превратило политическую партию в религиозную общину с собственной священной историей;
- создало центральный эмоциональный и символический стержень (траур, мученичество, сопротивление);
- дало язык для осмысления власти, страдания и справедливости;
- породило устойчивую ритуальную традицию, которая до сих пор ежегодно воспроизводит чувство принадлежности у миллионов людей;
- сделало память о несправедливости постоянным элементом коллективного самосознания.

Без Кербелы шиизм, каким мы его знаем, скорее всего, не сложился бы. Именно эта трагедия стала тем горнилом, в котором из разрозненных сторонников семьи пророка начала формироваться особая конфессиональная идентичность — со своей памятью, своими святынями, своей болью и своей надеждой.

Первый Арбаин

Прибытие Джабира ибн Абдуллаха аль-Ансари на могилу Хусейна на 40-й день

Сороковой день после гибели Хусейна ибн Али — 20 сафара 61 года хиджры — вошёл в историю как первый Арбаин. Именно в этот день, согласно устойчивой шиитской традиции, на равнину Кербелы прибыл Джабир ибн Абдуллах аль-Ансари — один из старейших и наиболее уважаемых сподвижников пророка Мухаммада.

Джабир принадлежал к племени хазрадж и был ансаром. Он присутствовал при второй клятве при Акабе, участвовал во многих сражениях пророка и прожил долгую жизнь, став свидетелем почти всех ключевых событий ранней исламской истории. К 61 году хиджры он был уже глубоким старцем. По многим сообщениям, к этому времени он потерял зрение. Тем не менее, когда весть о трагедии в Кербеле достигла Медины, Джабир не смог остаться в стороне.

В сопровождении Атыйи аль-Ауфи (иногда его называют Атой), одного из табиinov, он отправился в путь. По преданию, Атыйя шёл рядом и поддерживал слепого старца. Их путешествие из Хиджаза в Ирак заняло время, достаточное для того, чтобы прибытие совпало именно с сороковым днём после Ашуры.

Когда они приблизились к Кербеле, Джабир попросил провести его к Евфрату. Там он совершил полное ритуальное омовение (гусль), надел чистую одежду и натёрся благовониями. После этого он попросил снять обувь и медленно, с большим почтением, направился к месту погребения. Каждый шаг он сопровождал поминанием Аллаха.

Дойдя до могил, Джабир попросил Атыйю помочь ему определить точное место погребения Хусейна. Согласно одному из рассказов, он брал в руки песок с разных могил, нюхал его и наконец остановился, сказав: «Это могила Абу Абдиллаха. Я узнаю его запах. Я целовал его при жизни». Затем он бросился на могилу, громко трижды произнёс «Аллаху акбар» и потерял сознание от горя.

Когда Джабир пришёл в себя, он обратился к Хусейну со словами приветствия и скорби. Он говорил с ним так, будто тот мог ответить: «Мир тебе, о Абу Абдиллах! Мир тебе, о сын Посланника Аллаха! Почему ты не отвечаешь своему другу?» И сам же отвечал себе: «Как может ответить тот, чья голова отделена от тела?» Затем он продолжил: «Свидетельствую, что ты выполнил то, что обещал Аллах. Я клянусь, что мы с тобой в том, за что ты принял мученическую смерть».

После этого Джабир обошёл могилы других павших, приветствуя каждого. Он заявил, что намерения его сердца совпадают с тем, ради чего погиб Хусейн, и что в День Воскресения он хочет быть воскрешён вместе с ним и его спутниками.

В некоторых источниках говорится, что в тот же день на Кербелу прибыли и оставшиеся в живых члены семьи Хусейна — женщины и Али Зайн аль-Абидин, возвращавшиеся из Дамаска в Медину. Согласно этим преданиям, они встретили Джабира у могил, и вместе они провели несколько дней в трауре. Историческая достоверность этой встречи обсуждается учёными: часть исследователей считает её возможной, другие полагают, что возвращение семьи произошло позже. Однако сам факт приезда Джабира на 20 сафара почти не оспаривается в шиитской традиции.

Значение этого события трудно переоценить. Джабир ибн Абдуллах стал первым известным паломником, совершившим зиярат к могиле Хусейна. Его поступок заложил основу традиции, которая со временем превратилась в один из самых массовых ритуалов в исламском мире. Уже ранние имамы подчёркивали особую ценность посещения Кербелы именно в день

Арбаина. В одном из преданий, приписываемых имаму Хасану аль-Аскари, зиярат Арбаина назван одним из признаков настоящего верующего.

Так одинокий слепой старец, пришедший через пустыню, чтобы склониться над безымянной ещё могилой, положил начало традиции, которая через четырнадцать веков собирает десятки миллионов людей. Первый Арбаин стал не просто актом личного траура. Он стал началом непрерывной цепи памяти, связывающей поколение за поколением с равниной Кербелы и с тем, что произошло на ней 10 мухаррама 61 года.

Возвращение уцелевших членов семьи (Имам Зейн аль-Абидин, Зейнаб) в Кербелу

После гибели Хусейна и большинства его спутников уцелевшие члены семьи оказались в положении пленников. Среди них были сестра Хусейна Зейнаб бинт Али, его сын Али ибн аль-Хусейн (известный как Зейн аль-Абидин или ас-Саджад), другие женщины из рода Бану Хашим, дети и несколько выживших спутников. 11 мухаррама караван пленных был отправлен из Кербелы в Куфу. Женщин посадили на верблюдов без сёдел, Зейн аль-Абидина, тяжелообольного, заковали в цепи. Вместе с ними везли отрубленные головы мучеников, водружённые на копья.

В Куфе пленников провели по улицам и представили Убайдуллаху ибн Зияду. Там Зейнаб произнесла одну из своих знаменитых речей, в которой открыто осудила действия наместника и напомнила о правах семьи пророка. Из Куфы караван направили в Дамаск, ко двору Язида. Путь был долгим и тяжёлым. Пленников везли через города и селения, подвергая унижениям, демонстрируя «победу» Омейядов.

В Дамаске Зейнаб и Зейн аль-Абидин вновь проявили стойкость. Речи Зейнаб во дворце Язида стали одним из самых сильных публичных обличений власти в ранней исламской истории. Она не только защитила честь семьи, но и превратила само пленение в акт свидетельства: правда о Кербеле прозвучала в самом центре омейядской столицы. Язид, столкнувшись с растущим недовольством и опасаясь последствий, в конце концов распорядился отпустить пленников и отправить их в Медину.

Согласно устойчивой шиитской традиции, на обратном пути уцелевшие члены семьи попросили провести их через Кербелу. Это возвращение связывают с 20 сафара — днём Арбаина. Предание гласит, что, достигнув равнины, где ещё недавно стоял их лагерь, Зейнаб, Зейн аль-Абидин и остальные женщины вновь оказались на месте гибели близких.

Встреча с могилами стала одним из самых эмоционально насыщенных моментов всего повествования. Зейнаб, по рассказам, упала на землю у могилы брата, громко стеля. Она обращалась к Хусейну, говорила о том, что выполнила его завет — сохранила послание и донесла правду до людей, — но не смогла уберечь всех. Женщины и дети рыдали, вспоминая тех, кого оставили здесь сорок дней назад. Зейн аль-Абидин, несмотря на болезнь и пережитое, возглавил поминание.

По некоторым источникам, именно здесь произошла встреча с Джабиром ибн Абдуллахом аль-Ансари, который к тому времени уже прибыл для зиярата. Вместе они провели несколько дней в трауре на равнине Кербелы. После этого караван продолжил путь в Медину.

Историческая точность этого возвращения именно на 20 сафара 61 года остаётся предметом дискуссии среди исследователей. Часть учёных считает, что сроки путешествия из Дамаска делают прибытие в Кербелу на первый Арбаин маловероятным, и относят его к более позднему времени. Другие приводят аргументы в пользу возможности такого маршрута и настаивают на раннем происхождении предания. Независимо от точной хронологии, сам мотив возвращения семьи на место трагедии прочно вошёл в шиитскую историческую память.

Это возвращение имело глубокий символический смысл. Если Джабир стал первым внешним паломником, то Зейнаб и Зейн аль-Абидин стали теми, кто вернулся на место собственной катастрофы. Они не просто оплакали мёртвых — они связали прошлое с будущим. Именно через них память о Кербеле получила живых носителей. Зейнаб своей речью и стойкостью сделала трагедию публичной. Зейн аль-Абидин, став четвёртым имамом, сохранил преемственность и заложил основу дальнейшего развития общины.

Возвращение уцелевших в Кербелу завершает первый круг событий. От исхода из Медины — через Мекку, пустыню, жажду, бой, плен, Дамаск — и снова на ту же равнину. Круг замкнулся. Но вместо исчезновения история Кербелы только начинала свой долгий путь в коллективной памяти.

Закладка традиции зиярата (посещения)

Трагедия Кербелы могла бы остаться одним из многих эпизодов ранней исламской истории — кровавым, но локальным. Однако уже в первые десятилетия после 61 года хиджры вокруг могилы Хусейна начала складываться устойчивая практика посещения, которая со временем превратилась в одну из центральных форм шиитского благочестия. Эта практика получила название зиярат — посещение священного места с целью выражения почтения, скорби и духовной связи.

Первым известным актом такого посещения стало прибытие Джабира ибн Абдуллаха аль-Ансари на 20 сафара. Его поступок имел принципиальное значение. Джабир не просто пришёл почтить память погибшего. Он совершил ритуально оформленное действие: омовение в Евфрате, облачение в чистые одежды, использование благовоний, медленное приближение к могиле, приветствие, длительное оплакивание и обращение к покойному как к живому. Всё это уже содержало зачатки того, что позже станет полноценным зияратом.

Вскоре после событий Кербелы могила Хусейна начала привлекать и других людей. Племя бану Асад, жившее поблизости, первым позаботилось о погребении тел. Затем, по мере распространения известий о произошедшем, к месту гибели стали приходить отдельные верующие. Уже в период правления Омейядов, несмотря на враждебность власти, посещения продолжались, хотя и носили скрытый или полулегальный характер.

Особую роль в закреплении традиции сыграли имамы из рода Хусейна. Четвёртый имам, Али Зейн аль-Абидин, сам переживший Кербелу, сохранял и передавал память о произошедшем. Последующие имамы — особенно Мухаммад аль-Бакир и Джафар ас-Садик — активно поощряли посещение могилы. В преданиях, восходящих к ним, зиярат Хусейна описывается как деяние огромной духовной ценности. Некоторые хадисы ставят его рядом с хаджем или даже выше отдельных форм обязательного поклонения по степени награды. В одном из известных высказываний, приписываемых имаму Хасану аль-Аскар, зиярат Арбаина назван одним из признаков настоящего верующего.

Важным этапом стало появление специальных текстов — зияратов. Это молитвенные обращения, которые читаются у могилы. Наиболее известным из них является «Зиярат Арбаин», авторство которого традиция связывает с имамом Джафаром ас-Садиком. В этих текстах соединяются приветствие, исповедание веры, проклятие убийц, выражение скорби и просьба о заступничестве. Зиярат превращался из простого посещения в полноценный ритуал с фиксированным содержанием.

Постепенно вокруг могилы начала формироваться и материальная инфраструктура. При Мухтаре ас-Сакафи, поднявшем восстание во имя отмщения за Хусейна (середина 60-х годов хиджры), было возведено первое строение над могилой. В последующие века, несмотря на периодические разрушения со стороны враждебных правителей (особенно при некоторых

Аббасидах и позже), святыня восстанавливалась и расширялась. Кербела из пустынной равнины постепенно превращалась в священный город.

Паломники. Фото: Fars Media Corporation

Традиция зиярата имела несколько важных функций. Во-первых, она поддерживала живую связь с событием Кербелы. Посещение могилы делало трагедию не абстрактным историческим фактом, а переживаемым присутствием. Во-вторых, она создавала пространство солидарности. Люди, приходившие к могиле, ощущали себя частью одной общины, объединённой общей памятью и общей скорбью. В-третьих, зиярат работал как акт сопротивления. В условиях, когда власть стремилась предать забвению или дискредитировать Хусейна, само посещение его могилы становилось политическим и религиозным высказыванием.

Со временем практика расширялась. Появились особые дни, когда посещение считалось особенно желательным: день Ашуры, день Арбаина, ночь пятницы, день рождения Хусейна и другие даты. Возникли обычаи, связанные с принесением земли Кербелы (турба), использованием её при молитве, раздачей воды в память о жажде мучеников. Всё это превращало зиярат в разветвлённую систему ритуалов.

Таким образом, традиция посещения могилы Хусейна была заложена уже в первые месяцы и годы после Кербелы. Она родилась из личного горя Джабира, из боли семьи, из чувства вины части куфийцев и из сознательной работы имамов по сохранению памяти. То, что началось как одиночное паломничество слепого старца, через столетия выросло в одну из самых массовых и устойчивых практик в исламском мире. Зиярат стал способом не только помнить, но и заново переживать Кербелу — поколение за поколением, век за веком.

Формирование ритуала в первые века

Арбаин при Омейядах и Аббасидах

В первые столетия после Кербелы традиция поминовения Хусейна и посещения его могилы складывалась медленно, в условиях постоянного напряжения между памятью общины и политикой власти. Омейяды и Аббасиды по-разному относились к этому месту и к связанным с ним ритуалам, но ни одна из династий не смогла полностью подавить формирующуюся практику.

При Омейядах (661—750)

После 61 года хиджры власть Омейядов стремилась минимизировать значение произошедшего. Кербела должна была остаться локальным эпизодом, а не точкой сборки оппозиционной идентичности. Поэтому открытые массовые поминовения были опасны и практически невозможны. Тем не менее полностью остановить поток людей к могиле не удалось.

Уже в первые десятилетия после гибели Хусейна к месту погребения продолжали приходить отдельные верующие. Посещения носили скрытый или полулегальный характер. Власти периодически усиливали контроль, наказывали паломников, но сама могила в этот период, по имеющимся сведениям, не подвергалась систематическому разрушению. Память сохранялась в частных собраниях — в домах имамов и их сторонников в Медине и других городах. Там читали рассказы о Кербеле, произносили элегии (марсий), плакали. Эти закрытые маджалисы стали одной из форм сохранения традиции в условиях давления.

Важным событием омейядского периода стало восстание «тавабунов» (кающихся) в 65 году хиджры. Куфийцы, мучимые чувством вины за то, что не поддержали Хусейна, собрались у его могилы, оплакали его и двинулись мстить. Большинство из них погибло. Этот акт показал, что Кербела уже работает как мощный эмоциональный и мобилизационный символ.

К концу омейядской эпохи посещение могилы Хусейна, несмотря на все ограничения, уже воспринималось частью благочестия сторонников Ахль аль-Бейт. Ритуал ещё не был массовым и публичным, но его ядро — зиярат, оплакивание, чтение элегий — уже существовало.

При Аббасидах (750—1258)

Аббасиды пришли к власти на волне проалидских настроений и первоначально использовали память о Хусейне в своей пропаганде против Омейядов. В первые десятилетия их правления отношение к Кербеле было более мягким. Появились возможности для более открытого посещения могилы, а само место начало благоустраиваться.

Однако по мере укрепления власти Аббасиды всё чаще воспринимали культ Хусейна как потенциальную угрозу. Особенно жёсткой стала политика при халифе аль-Мутаваккиле (847—861). Он приказал разрушить мавзолей Хусейна, сровнять могилу с землёй, вспахать территорию и даже залить её водой, чтобы стереть саму возможность определить место погребения. Посещение Кербелы было запрещено под страхом суровых наказаний. Это была самая решительная попытка уничтожить материальный центр шиитской памяти.

Но даже эти меры не смогли прервать традицию. После смерти аль-Мутаваккиля его сын аль-Мунтасир разрешил восстановить строение над могилой. В последующие десятилетия святыня вновь отстраивалась, разрушалась и восстанавливалась. Власть колебалась между подавлением и вынужденным признанием популярности места.

К IX—X векам, несмотря на все перипетии, зиярат Хусейна уже прочно вошёл в шиитскую практику. Имамы продолжали поощрять посещение. Появляются тексты зияратов, в том числе связанный с Арбаином. В преданиях, восходящих к имаму Хасану аль-Аскари, зиярат Арбаина называется одним из признаков верующего. Это указывает на то, что к IX веку практика уже имела устойчивые формы и воспринималась как важный элемент идентичности.

Публичные массовые шествия и открытые траурные церемонии в полном смысле слова появятся позже — при Буидах в X веке. Но в омейядский и аббасидский периоды были заложены все основные элементы будущего ритуала: посещение могилы, оплакивание, чтение специальных текстов, представление о духовной ценности зиярата и особом значении сорокового дня.

Таким образом, первые века после Кербелы стали временем скрытого, но упорного формирования традиции. Под запретами и разрушениями, в частных собраниях и опасных паломничествах складывалось то, что позже вырастет в одно из самых массовых религиозных явлений исламского мира. Арбаин как устойчивый ритуал ещё не существовал в современном виде, но его корни — память, место, скорбь и верность — уже были глубоко вкопаны в почву истории.

Роль имамов Ахль аль-Бейт в закреплении практики

Если первые посещения могилы Хусейна родились из личного горя и стихийного стремления сохранить память, то именно имамы из рода Ахль аль-Бейт превратили эту память в устойчивую, передаваемую из поколения в поколение практику. Они не просто оплакивали предка — они сознательно строили вокруг Кербелы систему духовных ориентиров, ритуалов и смыслов.

Зейн аль-Абидин (Али ибн аль-Хусейн) Четвёртый имам был непосредственным свидетелем трагедии. Пережив Кербелу, плен и дорогу в Дамаск, он стал живым носителем памяти. Его жизнь после возвращения в Медину была отмечена глубокой скорбью. Предания рассказывают, что он часто плакал, вспоминая отца, и когда его спрашивали о причине слёз, отвечал, что боль не проходит. Именно при нём частные собрания, посвящённые поминовению Хусейна, стали регулярными. Зейн аль-Абидин не поднимал восстаний, но своей жизнью и молитвами сохранил нить преемственности. Он заложил основу того, что позже назовут «тихим сопротивлением» — сохранением истины через память и молитву.

Мухаммад аль-Бакир и Джафар ас-Садик Пятый и шестой имамы сыграли решающую роль в институционализации зиярата. В период, когда Аббасиды ещё не полностью ужесточили контроль, а шиитская община нуждалась в чётких духовных ориентирах, аль-Бакир и особенно ас-Садик активно поощряли посещение могилы Хусейна.

Именно с их именами связывают появление развёрнутых текстов зияратов — молитвенных обращений, которые читаются у могилы. Эти тексты не просто выражали скорбь. Они формулировали целое мировоззрение: Хусейн представал как тот, кто отдал жизнь за истину, а посетитель — как человек, подтверждающий свою верность этому выбору. В преданиях от Джафара ас-Садики подчёркивается огромная духовная награда за зиярат Хусейна. Некоторые хадисы ставят его рядом с хаджем по значимости, а в отдельных случаях — даже выше отдельных форм поклонения.

Ас-Садик также разъяснял, как следует совершать посещение, какие слова произносить, какое намерение иметь. Тем самым стихийное паломничество постепенно превращалось в оформленный ритуал с правилами, смыслом и внутренней структурой.

Последующие имамы Седьмой имам Муса аль-Казим, несмотря на длительные заключения, продолжал линию поддержки зиярата. Восьмой имам Али ар-Рида в условиях, когда

его положение при дворе аль-Мамуна было сложным, также подтверждал ценность посещения Кербелы.

Особое значение имеет предание, связанное с одиннадцатым имамом Хасаном аль-Аскари. Ему приписывают высказывание, в котором зиярат Арбаина назван одним из пяти признаков настоящего верующего. Это указание важно не только само по себе. Оно показывает, что к IX веку практика посещения могилы Хусейна именно в день Арбаина уже воспринималась как устойчивый и узнаваемый элемент шиитской идентичности. Имамы не просто разрешали зиярат — они делали его маркером принадлежности к общине.

Без этой работы имамов посещение Кербелы могло остаться разрозненными актами отдельных людей. Благодаря им оно стало традицией. Имамы не создали Арбаин как массовое шествие — это произойдёт гораздо позже. Но они заложили его духовный фундамент: понимание того, зачем идти к этой могиле, что там говорить, что чувствовать и почему это важно не только для одного человека, но для всей общины.

Так личная боль семьи Хусейна через поколения имамов превратилась в коллективную практику, которая пережила династии, запреты и столетия.

Ранние свидетельства о паломничестве

Самые ранние свидетельства о посещении могилы Хусейна относятся уже к первым десятилетиям после Кербелы. Хотя многие из них дошли до нас в более поздних сборниках, они позволяют проследить, как стихийное движение памяти постепенно оформлялось в устойчивую практику.

Джабир ибн Абдуллах аль-Ансари

Наиболее известным и часто цитируемым ранним свидетельством является рассказ о посещении Джабира ибн Абдуллаха аль-Ансари. Предание, передаваемое от Атыйи аль-Ауфи, рисует яркую картину:

«Я отправился с Джабиром ибн Абдуллахом аль-Ансари к могиле Хусейна ибн Али. Когда мы вошли в Кербелу, Джабир направился к Евфрату, совершил гусль, надел чистую одежду и натёрся благовониями. Затем он не делал ни шага, кроме как с поминанием Аллаха, пока не приблизился к могиле. Он сказал мне: „Дай мне коснуться могилы“. Я помог ему. Тогда он упал на могилу без сознания. Я окропил его водой, и он пришёл в себя. Трижды воскликнул: „О Хусейн!“ Затем сказал: „Почему друг не отвечает другу? И как ему ответить, если жилы его перерезаны, а голова отделена от тела?“»

Далее Джабир произносит слова, которые стали одним из ключевых ранних выражений смысла зиярата:

«Клянусь Тем, Кто послал Мухаммада с истиной! Мы участвовали вместе с вами в том, что вы пережили. [...] Я слышал от Посланника Аллаха: „Кто возлюбил народ, тот будет воскрешён вместе с ним, а кто доволен деянием народа, тот считается участником этого деяния“. Клянусь Тем, Кто послал Мухаммада! Моё намерение и намерение моих спутников таково же, каково было намерение Хусейна и его спутников».

Это предание важно не только как рассказ о первом известном паломнике. Оно уже содержит элементы будущего ритуала: ритуальное очищение, приближение с поминанием, физический контакт с могилой, оплакивание, обращение к покойному и исповедание духовного соучастия.

Таввабуны

Другое раннее и исторически более надёжно засвидетельствованное событие — посещение могилы Хусейна «таввабунами» (кающимися) в 65 году хиджры. Ат-Табари, опираясь на ранние источники (прежде всего Абу Михнафа), приводит описание их появления у могилы:

Они собрались у могилы Хусейна, плакали, молились о прощении и милости для него и его спутников. Один из рассказчиков говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.